

У.К. Абишева
д. ф. н., профессор
Казахский национальный университет им. аль-Фараби
г. Алматы, Казахстан,
E-mail: Abisheva_O@mail.ru

Г.Ж. Какишева
старший преподаватель
Казахский национальный университет им. аль-Фараби
г. Алматы, Казахстан,
E-mail: Gulnara1959@mail.ru

Статья посвящена исследованию фольклорной традиции в прозе Абиша Кекильбаева. В «Балладных повестях» художника органичны фольклорные легенды и предания тюркских народов Центральной Азии, являющиеся одним из составных элементов произведений писателя. Напряженный драматизм, сюжетные коллизии, особенности образной системы, типизация героев придают повестям черты балладного жанра. Соответственно своим художественным задачам писатель активно использует фольклорные изобразительные средства: психологический параллелизм, метафоры, эпитеты, свойственные народным произведениям.

Мотивы мести, смерти, отчаяния, страха, одиночества, свободы, снов, повторяющиеся, связывающие текст невидимыми нитями, становятся ритмическими мелодиями повестей. Система мотивов подчинена не только композиционным, но и идейным задачам произведения, несет смысловые нагрузки. Фольклорные элементы создают художественную перспективу повестей, углубляют их философское содержание, они включены в структуру повестей как способы раскрытия морально-этических проблем.

Ключевые слова: повесть, баллада, народное творчество, фольклорные традиции, сюжет, легенда, мотив.

Ұ. Қ. Әбішева
ф.ғ.д., профессор
Қазақ ұлттық университеті

Г.Ж. Какишева,
аға оқытушы
Қазақ ұлттық университеті

Мақала А. Кекильбаевтың фольклорлық дәстүрлі прозалық шығармаларын зерттеуге арналған. «Баллада повестерінде» суреткердің Орталық Азия түркі халықтарының фольклорлық аңыздарына негізделген, мұндай шығармалар жазушы шығармаларының бір элементінің құрамы болып табылады. Повестегі шиеленіскен драматизм, сюжетті коллизиялар, образды жүйенің ерекшеліктері, кейіпкерлердің типтенуі, баллада жанрының негізгі белгілерін құрайды. Жазушы өз шығармаларының басты міндеті ретінде халықтық шығармаларға тән фольклорлық бейнелегіш амал-тәсілдер: психологиялық параллелизм, метафоралар, эпитеттер еркін қолданады.

Кек алу, өлім, қорқыныш, үрей, жалғыздық, түс көру уәжделері повестердің ырғақтық, әуендік негіздері мәтінде нәзік иірімдер арқылы бір-бірімен астасып, байланысып жатады. Уәждеме құрылымы тек қана композициямен ғана емес, шығарманың идеялық міндеттерімен бірге мағыналық күш-қуат алып жатады.

Шығармадағы фольклорлық элементтер повестің көркемдік алғышарттарын құрай отырып, терең мағыналы философиялық мазмұн тудырады, моральдық-этникалық мәселелердің бірі ретінде жаңа сипаттарға ие болады.

Кілт сөздер: повесть, баллада, халықтық шығарма, фольклорлық дәстүр, сюжет, аңыз, хикая, уәждеме.

Ulbolsyn Abisheva
The Doctor of Philology, the professor
Al-Farabi Kazakh National University
Almaty Kazakhstan

Gulnara Kakisheva
Senior lecturer
Al-Farabi Kazakh National University
Almaty Kazakhstan

This article examines folk traditions in Abish Kekilbaev's prose. The "ballad stories" include folk legends of the Central Asia peoples. They are being the constituent elements of the writer's works. The dramatic stories, the image system, the type characters convey to novels the features of ballad genre. Accordingly his artistic goals writer use psychological parallelism, metaphors, epithets, characteristic of popular works inherent to the folklore style.

The frequent motives of revenge, death, despair, fear, loneliness, freedom, dreams bind text in whole. They are become rhythmic melodies of the writer's stories. The motive system affects not only the composition but it serves also the ideological objectives in the works. Folklore elements give an artistic perspective stories, they are deeping philosophical content of the prose and containing the moral and ethical issues.

Key words: story, ballad, folk art, folk traditions, story, legend, motive.

Фольклорная традиция в «балладных повестях»
Абиша Кекильбаева

Абиш Кекильбаев – художник, выросший в атмосфере аульного трудового быта, народных обычаев. Писатель родился в селении Онды Мангистауской области. Он знает народный фольклор не по книгам, а сызмала впитал его как живую традицию. С детства будущий писатель знакомится с традициями казахского фольклора, с многочисленными произведениями героического эпоса, преданиями, легендами, народными сказками, сформировавшими его художественные вкусы. В своем творчестве художник обращается к исторической и культурной почве народа. Это был первоначальный период овладения народной сокровищницей, в частности, пора усвоения духа фольклорных легенд и преданий, которые станут одним из составных элементов произведений А. Кекильбаева.

Из фольклорных традиций выросли его повести, изданные в сборнике «Баллады степей», принесшие заслуженную известность писателю. «Балладные повести», включающие «Балладу забытых лет», «Хатынгольскую балладу», «Колодец», «Состязание», свидетельствуют об осознанном освоении и переработке писателем произведений народного творчества, явившемся важнейшей школой для писателя. Его обращение к фольклору в значительной мере было обусловлено взглядом на него как на первооснову национальной литературы. Сочное, емкое народное слово наделяло повествование глубоким смыслом. Обращение к легендам и преданиям вызвано тем, что фольклор отразил психический склад народа и его художественное мироощущение.

Это глубинное родство писателя с народно-поэтическим мышлением проявило себя практически во всех «балладных повестях» писателя. В легендах и преданиях заложено народное понимание жизни, любви, мужества, верности и т.д. Автор воссоздает не только нравственный облик яркого и сурового времени, но и чутко затрагивает проблемы современности. Обращение к фольклорным сюжетам помогло ему создать художественно цельные, проникновенные повести, в которых художнику удалось слить воедино фольклорную символику и развиваемый им психологизм.

Все повести пронизаны фольклорной стихией. По мнению Г. Бельгера, «достоинство и сила художественной палитры А. Кекильбаева в том, что он современному, историко-философски переосмысливает «сказанья старины глубокой», извлекает из древних легенд общечеловеческие гуманистические корни-формулы, по-новому, очень актуально высвечивая «осколок древней правды» [1,83].

Поэтика народного искусства в них свободно трансформировалась под давлением индивидуального темперамента автора. Фольклорные сюжеты переплавлены в истории героев, которые лежат в основе повестей, а современность ушла в подпочву повестей, не осев в сюжетах и деталях.

Художественную систему повести «Баллада забытых лет» можно определить как неоромантическую. А. Кекильбаев безошибочно ощущает специфику «балладной» модальности. Единый сюжетный узел произведения, использование фольклорных образов и коллизий, а также характер типизации героев – все эти черты сближают повесть автора с балладой – лиро-эпическим жанром. Т.И. Сильман, изучавшая специфику этого жанра, особенно важными его признаками называет объективное изображение событий в их естественной последовательности и динамичность действия. Следующим важным качеством баллады исследователь считает «перевес «энергии движения внешних событий» над «энергией внутреннего переживания» [5, 135-138]. Другие исследователи считают, что жанру свойствен напряженный драматизм, а также меланхолический, мрачный или даже трагический тон повествования, связанный с мотивом рока [3, 23-24]. Несмотря на то, что произведение Кекильбаева относится к прозаическому жанру, а не к поэтическому, все эти признаки традиционной баллады присущи ему. Поэтика народной баллады определила сюжетную коллизию повести и характер типизации героя. Из традиций данного фольклорного жанра вытекает также напряженный драматизм повестей писателя.

События, изображенные в повести, отмеченные элементами историзма, теряют однозначный и приобретают более широкий, почти символический смысл. Соответственно своим художественным задачам писатель активно использует фольклорные изобразительные средства. В повести Кекильбаеву удалось естественно соединить фольклорную ориентацию с проблематикой грозного времени, стихию народной образности – с современной формой исторической повести.

В центре сюжета повести А. Кекильбаева – противостояние туркменских и казахских племен. Воинственные кочевники часто устраивали засады, совершали опустошительные набеги друг на друга, постоянно враждовали и нередко между разгорались ожесточенные битвы. Автор изобразил судьбу борющихся и страдающих героев, его повествование, выдержанное в поэтически-метафорическом ключе, перерастает в мысль об исконных, субстанциональных истоках национальной жизни. Мотив мести находится в центре повести, он приводит в действие пружину действия и определяет крушение туркменского хана Жонеута, забывшего о никому не подвластной ценности человеческого существования. Месть обуревают его, как могущественная стихия:

Посвятив свою жизнь кровавой мести, Жонеут и не заметил, как прошли годы. Рано погибли и его старшие сыновья, а он сам уже прожил половину жизни, и старость незаметно подкрадывалась к нему. Но даже он не думает о критической оценке прожитой им жизни, а беспокоится о том, кто сможет в его роду возглавить эту кровавую месть:

«Мести жаждут душа, руки. Ради мести ноги готовы без усталости шагать по пустыням. Мечь привела его сегодня к этому холмику, затерявшемуся в полыни. <...> В благодатные дни, когда природа щедро одаряет всех любовью и лаской, они бросают своих жен, детей, оставляют годами нажитый скот и, сознавая великую миссию, отправляются грабить, насиловать, убивать. Вернувшись победителями, испуганно вздрагивают при каждом шорохе, перестуке копыт. Страх перед неизбежной расплатой разъедает их души» [4, 264].

Исследователь творчества писателя Л. Федоровская так характеризует своеобразие мастерства и стиля писателя: «Манеру писателя отличает красочная, щедрая живописность. Лишенная порочности, она очень естественно вводит читателя в житейскую стихию стародавних времен, которая представлена в повестях во всем богатстве национальных обычаев, в своеобразии подробностей степного быта. Не стилизованная орнаменталистика, а реалистическая картина живой народной жизни предстает со страниц книжки. Ее доступная взгляду и все же манящая тайной глубина зовет к неторопливому раздумью о назначении человека, о смысле его земного бытия» [9, 11].

При помощи возвращающихся *лейтмотивов* характер героя как по спирали восходит к своей вершине – к крушению. *Лейтмотивы* (*мечь, вражда, смерть, отчаяние, страх, одиночество, свобода, рабство*), повторяющиеся, связывающие текст невидимыми нитями, становятся ритмическими мелодиями повести. Они свидетельствуют о том, что А. Кекильбаев находит формы, отличающиеся большой смысловой концентрацией, предельной эмоциональной нагрузкой, свободной условностью.

В центре сюжета – одержимый властью, деспотичный и жестокий хан Жонеут. Его могущество и величие основано на силе вышколенных в боях сарбазов. Он считает, что заботится о нетленной памяти предков, в то время как земля сочится кровью и его соплеменников, и враждебных туркменских племен. Гордый от осознания своего величия, он жестоко наказан судьбой: оба его сына погибают в сражениях.

Художественный мир писателя глубоко самобытен, он изображает народную жизнь во всех деталях ее национального своеобразия, поднимая философские проблемы добра и зла, войны и мира, счастья и страдания. В третью главу повести, в которой Жонеут посещает после смерти брата могилу святого, автор включает легенду о Темир-бабе. Это библейский интертекст, являющийся вставным структурным эпизодом в повести. Поза святого в момент, когда странствующий Шолпан-ата повстречал его, напоминает медитирование. Услышав шаги, он не шелохнулся, сидел, не отводя глаз от моря, не обращая внимания на приближающихся. Сюжет легенды является аллюзией библейского повествования о Моисее, выведшем иудейский народ из Египта. Как повествует Библия, когда Моисей вошел в море, оно расступилось перед ним. Обращение к сакральной книге свидетельствует о творческом замысле автора. Как в легенде о Моисее перед Темир-бабой расступилась вода, и он проложил дорогу по морскому дну. Перед смертью святой велел похоронить себя на каменистой прибрежной гряде, определив это место как границу между туркменскими и казахскими племенами. Но завет святого был забыт, и между народами началась бесконечная война. Роль библейской образности, смысловое содержание повести о Моисее проливает дополнительный свет на судьбу Жонеута, введшего свой народ в распри с соседними туркменскими племенами, на бессмысленность его жизни и ее трагический конец.

Особенности фольклорной поэтики проявляются в высоком эмоциональном накале повествования, широком использовании эмоционально-экспрессивной лексики. Соответственно своим художественным задачам писатель активно использует фольклорные изобразительные средства: психологический параллелизм, метафоры, эпитеты, свойственные народным произведениям.

Поэтический рассказ о казахском кюйши, попавшем в туркменский плен, перерастает в произведении в гимн о творческом начале мира, силе музыки, силе

таланта, в гимн о переустройстве всей жизни на новых нравственных основах. Кекильбаев – мастер психологического описания. Через картины природы, портретные и бытовые описания он раскрывает душу исполнителя и его музыки: «Меж тем домбра запела на новый лад, глухо, печально. Ее вздохи перемежались тихим всхлипыванием <...>. Темные пальцы летали над черным грифом. Скорбные звуки, наполняя юрту, обесцвечивали все вокруг. Поблекли лица туркмен, потускнел мех на папахах. Стал вовсе незаметен и сам тщедушный домрист. <...> Невольник жил своей жизнью, неподвластной тем, кто его пленил. Домбра вернула ему себя. Не поднимая головы, он знал, что все безотрывно смотрят на него. Это была подлинная власть. Но нужна она была лишь для одного – передать людям все пережитое, передуманное за годы странствий и за дни, проведенные в вонючей хижине. <...> Новый кюй лился вольготно, широко, его движение напоминало бег разгоряченной лошади, сбросившей узду. Домбра щедро делилась неистощимым запасом доброты. Нежность звуков захватила самого музыканта. Отступило все пережитое» [4, 268-270].

А. Кекильбаев органично ввел в повесть тюркскую легенду о манкурте. Автор использовал не весь сюжет, а лишь мотивы этой древней легенды о пытке, когда предназначенному в рабство пленнику обрывали голову и надевали на нее шири – кусок шкуры с вьюной части только что убитого верблюда. Этот древний сюжет о лишении человека памяти не только выполняет связующую композиционную роль, но имеет символическое значение. Позднее легенда, интерпретированная Ч. Айтматовым, войдет в его роман «Буранный полустанок» и станет стержнем философской концепции автора.

Отправным пунктом в повести «Хатынгольская баллада» для писателя является легенда о смерти Чингисхана, победившем и истребившем тангутов, но уничтоженном ханшей Гульбержин. Согласно преданиям, существовало несколько версий смерти сотрясателя Вселенной, как называли Чингисхана ираноязычные народы: «Чингисхан умер в 1127 году во время похода на Тангутское государство. Перед смертью он пожелал, чтобы царя тангутов казнили сразу после взятия города, а сам город разрушили бы до основания. В разных источниках приводятся различные версии его смерти: от раны стрелой в бою, от продолжительной болезни, после падения с лошади; от удара молнии» [2]. Кекильбаев использовал в повести одну из самых оригинальных версий о смерти повелителя – от ран, нанесенных тангутской ханшей, красавицей Гульбержин-хатун.

Сюжетную линию этой легенды повторяет повествовательная канва «Хатынгольской баллады». Но писатель не просто калькирует фольклорный сюжет, а воспринимает его творчески, подчиняя его решению определенных идейно-художественных задач. Фольклорно-мифологическое начало сочетается у него с реалистическим освоением действительности. Типизация в ней производится посредством условной трансформации, гиперболы, вымысла – всего, что характеризует фольклорную эстетику. Сложное художественное целое, каким является «Хатынгольская баллада», служит примером творческой переработки фольклора. В повести Кекильбаева происходит движение не внутри фольклорной традиции, в ней свершается трансформация фольклорного образа в литературный.

«Хатынгольская баллада» – повесть с «экстенсивным», эпическим сюжетом. Основная тема произведения – разрушительность неограниченного могущества и непомерной власти человека над людьми, которая губит тех, кто облечен властью, сжигает все внутри, и властитель остается пуст, бесчувствен и одинок. И вновь реальность повести, сложившейся на основе фольклорных мотивов, приобретает более широкие возможности. Повесть перерастает фольклорный жанр и становится параболической конструкцией. Художник, шлифовавший и оттачивавший в течение нескольких десятилетий стилистику народных преданий, вновь нашел в фольклоре начало, которое раздвинуло горизонт художественного мышления.

По словам Г. Бельгера, «автор наполнил легенду большим философским смыслом: о неистребимости гордого человеческого духа, о бессилии тех, кто возомнил себя

всесильным, позволяет себе бездумно и жестоко распоряжаться судьбами народов, о неотвратимости справедливого возмездия, о неминуемой суровой каре, которая непременно постигает всех, кто творил зло, о том, что кровавых властителей покарает не бог, а руки людей» [1, 86].

Обострение коллизии повести «Хатынгольская баллада» заметно уже в экспозиционных главах. Они посвящены битве с тангутами. Центральная идея повести – мысль о нестигаемости человеческого достоинства перед лицом жестокости. Действие развивается, конфликт из внешнего, связанного с перипетиями борьбы Чингисхана с врагами-тангутами, переносится во внутренний, в сферу душевных переживаний героя. Комментируя события, автор связывает звенья прошлого, настоящего и будущего, выстраивая в единую цепь. В повести настоящее неотделимо от будущего. Оба времени включены в движение истории, и будущее льет свет на страницы повести, проясняя значение текущих событий.

А. Кекильбаев открывает в народных легендах и преданиях архетипы национального мироощущения. Фольклорные элементы образовали художественную перспективу повестей, выразив вечные нравственные ценности.

Семантика образа Чингисхана однозначна, повелитель становится символом абсолютной власти и беспощадности. Масштабность характера центрального героя повести углубляется внесением нового колорита, путем насыщения красок, гиперболизации одной черты – жестокости властителя – до формулы судьбы.

Кекильбаев описывает драгоценные перстни Чингисхана, каждый из которых связан с военными походами, когда полчища его несметных войск обрушивались на города, разрушали крепостные стены, сжигали жилища людей. Для художника подобные сцены служат средством воспроизводства изощренного проявления деспотической природы Чингисхана. Тираническая жестокость властителя проявляется в полной мере как непрерывная цепь злодейств. Писатель дает военно-бытовые сцены, но кекильбаевская «достоверность» военных сражений является романтически условной.

Важным композиционным элементом повести «Хатынгольская баллада» являются включенные в нее описания снов Чингисхана. Онейрический мотив подчинен не только композиционным, но и идейным задачам произведения, он несет смысловые нагрузки, отображает нравственный перелом в душе героя. В первом сне заснувший повелитель видит, как юная девушка жарко ласкает его. Сон лишь, на первый взгляд, кажется выражением бессознательно эротического. Пробудившись, Чингисхан не может понять его значения. Обнаженная белотелая девушка воплощает жену бурхана тангутов Гурбельджин, из-за которой погибнет, согласно легенде, повелитель. Чингисхан вспоминает вещий сон своей неприкаянной молодости, когда, терпя нужду и лишения, он мотался по свету. Ему приснилось, что в безлюдной степи на его обглоданном черепе сидел стервятник: «Тогда он проснулся в жутком страхе. Но не прошло с того дня и месяца, как его подняли на белой кошме, объявили ханом» [4,300].

Второй сон еще более драматичен и загадочен: герою снится, как после пира он спит в шатре и вдруг начинает задыхаться, тело будто налилось свинцом, он не может шевельнуться. В этом сне к нему приходит незнакомец, приставивший ему кинжал к груди: «Страх и ужас ворвались в душу, и закричал бы он диким, не своим голосом, завопил бы, но голоса не было, а кинжал вонзился острием в горло и вдруг упал ему между ключиц» [4,307]. Мучительный и тяжелый сон отражает внутренний конфликт героя, он пронизан замаскированными намеками на будущую судьбу героя. Выступая в виде сюжетных элементов, сны в повести являются одним из способов углубления психологизма, выражением универсальных истин, общей формулой бытия.

Этот сон раскрывает внутреннюю драму стареющего Чингисхана, которого одолевают тоска, сомнения, мысли о бремени славы и власти, думы об одиночестве. Он вспоминает поверженные и разграбленные города, бесконечные походы, утомившие его. Сон выражает внутреннее поражение Чингисхана, предчувствие скорой смерти, чувство

одиначества властителя. Символика снов помогает понять историко-художественную и эстетическую концепцию А. Кекильбаева. Из преданий и легенд художник заимствует эпическую мощь, но направляет ее по другому руслу. Утверждающая сила героического идеала у Кекильбаева вызывает равнодействующую силу отрицания.

В «Балладных повестях» А. Кекильбаев постоянно обращается к сокровищам духовной культуры народа, воспринимая их сквозь призму своего художественного видения. Влияние народного творчества ощущается во введении фольклорных сюжетов (легенд, преданий, притч) в структуру произведений, в их образной системе, в приеме антитезы в виде противопоставления прошлого настоящему. Фольклорные сюжеты в повести обретают направленное философское осмысление, они органически включены в структуру повестей как способы раскрытия морально-этических проблем. Фольклорные элементы при переходе в литературный текст начинают жить новой жизнью, приобретают дополнительные смыслы, намеченные в фольклорных источниках. Цикл А. Кекильбаева – эстетически самостоятельное художественное явление, порожденное авторской индивидуальностью.

Литература

1. Бельгер Г.К. Мотивы трех струн: Литературно-критические статьи, портреты, эссе. – Алма-Ата: Жазушы, 1986. – 303 с.
2. Волков С. Тайна смерти Чингисхана. [Электронный ресурс]. Код доступа: <http://baikal.irkutsk.ru/?rubr=158&doc=71> Дата обращения 30.04.2015.
3. Ермоленко С.И. Мифологические баллады М.Ю. Лермонтова // Проблемы стиля и жанра в русской литературе XIX – начала XX вв. – Свердловск, 1986. – С. 23-24.
4. Кекильбаев Абиш. Баллады забытых лет. – М.: Известия, 1979. – 448 с.
5. Сильман Т.И. Заметки о лирике. – Л.: Советский писатель, 1977.
6. Федоровская Л. Преданье старины глубокой // Литературное обозрение. – М., 1975. – № 3. С. 9-14.